

Александр МЕЛИХОВ

САМЫЙ ДРАГОЦЕННЫЙ И ОПАСНЫЙ ДАР ПРОМЕТЕЯ

Хорошо было при советской власти — все было понятно: если она преследует генетику, значит, генетика хороша, если она загоняет в подполье магию и астрологию — значит, магия и астрология безупречны. Зато теперь, скептически отозвавшись о порче и сглазе, рискуешь прослыть мракобесом.

Поэтому, прежде чем вести речь дальше, спешу очиститься от самого непростительного в эпоху сплошной спиритуализации обвинения в позитивизме, склонном обожествлять материальное и проверяемое: я многожды повторял как печатно, так и непечатно, что важнейшие потребности человека — его стремление ощущать мир и себя в нем красивыми, справедливыми, защищенными и бессмертными — могут быть удовлетворены лишь в мире иллюзий. Я убежден, что история общественной мысли есть в первую очередь история общественных грез, а упадок этих грез и является главной причиной самоубийств, наркомании и немотивированной преступности.

Но вместе с тем невозможно не понимать, что для физического выживания и комфорта всем нам абсолютно необходимо предельно точное знание о реальности, то есть знание, позволяющее с предельной точностью предвидеть хотя бы наиболее важные для нас события. Извечный конфликт мечты и реальности — типичный трагический конфликт, в котором смертельно опасна победа как той, так и другой стороны. Людей, совсем не считающихся с реальностью, она безжалостно убивает, люди, видящие реальность слишком далеко и глубоко, убивают себя сами.

С тех пор как человек сделался человеком, то есть существом, способным испытывать страх перед еще только воображаемыми, отдаленными опасностями, перед ним предстали две одинаково важные, но постоянно борющиеся за первенство задачи: предвидеть будущее и примириться с результатами этого предвидения, ибо они всегда ужасны, стоит заглянуть в реальность подальше и поглубже. Человечество потратило тысячи и тысячи лет, пытаясь решать эти задачи одновременно средствами магии, — сразу познавать и утешаться — и только многие века неудач заставили наиболее мудрую

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в городе Россось Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, зам. гл. редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенета.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия им. Гоголя за роман «Свидание с Квазимодо» (2017). Премия им. Искандера (2022), премия правительства Санкт-Петербурга (2023) и премия «Книга года» (2023) за роман «Сапфировый альбатрос». Премия им. Гончарова за роман «Тризна» (2023).

его часть отделить познание (предвидение) от утешения и отвести для каждой из этих функций собственный социальный институт: для познания — науку, для утешения — религию, искусство, социальный утопизм и некоторые другие воздушные замки в царстве грез. Несомненно, на первых порах (тоже длившихся целые века) и наука тоже оперировала мало на чем основанными фантазиями и аналогиями (алхимия сегодняшнему химику показалась бы почти полной ахинеей), но ее фундаментальное положение, отделившее ее от магии, всегда оставалось неколебимым, пока она желала оставаться пусть крайне наивной, но все-таки наукой: наука исходит из того, что все естественные процессы протекают по их собственным законам и мы должны эти законы как-то разгадать, чтобы затем ими воспользоваться, — магия же полагает, что миром правит некая воля (целые сонмища воль), на которые можно воздействовать мольбами, подкупом, послушанием, распознаванием тайных команд (паролей), которым они повинуются, другими волями (колдунов и пророков), еще более могущественными...

Словом, магия была попыткой перенести законы социальной действительности на внесоциальную природу, — именно расставание с этой химерой и было первым и едва ли не важнейшим шагом ко всем будущим «чудесам науки». Именно так: наука начинается с признания того, что в мире, кроме нас самих, никаким высшим волям до нас нет ровно никакого дела (по крайней мере, у нас нет никаких существенных средств на них воздействовать), что у природы нет любимчиков и что каждый из нас, и святой, и гений, и герой, подлжит ровно тем же законам, что и какой-нибудь червяк или булыжник. А потому сегодняшние маги пытаются поодиночке или разрозненными партизанскими соединениями взять реванш в войне, уже проигранной много веков назад могущественнейшими регулярными армадами, когда-то полностью контролировавшими весь подлунный мир. Сегодняшние шарлатаны и «добросовестно заблуждающиеся» простаки и маньяки любят защищаться тем аргументом, что ученые твердят какие-то вчерашние догматы, тогда как маги осуществляют некий новый поиск, однако дело обстоит ровно обратным образом: именно маги пытаются утверждать зады тысячелетней давности.

Поэтому те общественные силы — конфессиональные, художественные, политические, — в чьи функции входит утешение страждущих, возбуждение в них хотя бы иллюзорных надежд, имеют все основания восстать на колдунов и ворожей как на недобросовестных конкурентов: ведь все уважаемые религиозные институты и построенные на утопических основаниях политические партии (а таковыми в какой-то степени должны быть все они, дабы выдержать состязание с другими утопиями) уже давным-давно молчаливо сошлись на том, чтобы не соблазнять паству твердыми и конкретными обещаниями чудес, относя их исполнение в неопределенное будущее, а то и вовсе в какой-то иной мир, и сделали это именно потому, что с горечью убедились в невозможности воскрешения мертвецов, в невозможности гармонического сожительства львов и ланей, в невозможности исцеления неизлечимых и вообще пришествия царства божия в какие-то гарантированные и обозримые сроки. Конфессиональные и политические лидеры сделали бы весьма благое и целесообразное дело, если бы воспользовались имеющимися в их распоряжении административными ресурсами, дабы удалить с уважаемой, публичной части общественного поля арьергардные осколки давным-давно потерпевшей поражение великой армии, продолжающие использовать неконвенциональное оружие.

Подчеркиваю: не полностью и окончательно удалить их с общественного поля вон, как худую траву, но лишь из его уважаемой, публичной части — из газет, телевидения, общественных залов и площадей. Шопенгауэр когда-то очень точно назвал астрологию величайшим проявлением человеческой самонадеянности: люди мнят, что даже звездам есть дело до их разборок, — так что астрологические прогнозы в солид-

ных СМИ он наверняка бы счел национальным позором. А также сигналом всем остальным магам и пророкам: налетай, братва, наша взяла!

Разумеется, полностью защитить простаков от жуликов невозможно: как выразился один знаменитый либеральный реформатор далекого прошлого, если люди хотят избавиться от своих денег, никакой закон не сможет им в этом воспрепятствовать. Все, что мы можем для них сделать, это затруднить их обирание, — загнать наперсточников и шулеров в тараканьи закутки, а побежденных хранителей тайны и веры — в катакомбы, пустыни, пещеры. Пускай торгуют надеждами распивно, а не навывнос. Пускай слухи о творимых ими чудесах расходятся эзотерическим путем, от посвященного к посвященному, но не через объявления на газетных страницах или телеэкранах отвергнувшей их и отвергаемой ими цивилизации.

Не беспокойтесь, наиболее отчаявшиеся сумеют их отыскать и заключить договор «надежда в обмен на деньги». Для самых безнадежных договор действительно выгодный. Кое-что может дать и эффект плацебо, но главным эффектом все же чаще всего бывает обезболивающее воздействие иллюзий. Я сам наблюдал безнадежно больную женщину, которой врачи отпускали не более полугода, а знахарка гарантировала полное здоровье при условии регулярного наложения не так уж сложно приготовляемых припарок. Они и помогли, как мертвому припарки, но зато несчастная женщина провела весь отпущенный ей срок в приятных хлопотах и надеждах, в коих, как известно, и заключался самый драгоценный дар Прометея. Не помните? Огонь и ремесла прикованный титан признавал менее ценным даром, нежели *незрячие надежды*. Дар настолько могучий, что он способен, подобно пожару, пожрать все мыслимые ремесла, если не держать его в узде. Гитлер, кстати, тоже подкреплял свой дух разными магическими выкрутасами...

И не надо путать именно что божий дар с яичницей, обещания чудес с заблуждениями и авантюрами, порождаемыми самой наукой: прежде всего, необходимость маскироваться научной терминологией типа «ген», «поле» и «энергия» уже служит серьезным ограничителем шарлатанской фантазии. Хотя, увы, и стимулом тоже... И вообще развитие науки лишь увеличивает разрыв между ее авангардом и способностью среднего человека воспринимать ее открытия — уже давно появление новых понятий лишь увеличивает количество слов, употребляемых без достаточного понимания. Но все же паранаука не запирает ворот для научной критики — главным средством борьбы ученых с изменниками в собственных рядах. Что говорить, нет в мире совершенства — контроль ученого сообщества не может полностью перекрыть дорогу мноманам и прохвостам (коих полностью разделить невозможно: Н. А. Тан-Богораз отмечал, что шаманы ухитряются сочетать самую искреннюю веру с самым бесстыдным шарлатанством), и все же паранауки, вроде марксизма, расизма, фрейдизма или лысенковщины, обретали социальную мощь лишь тогда, когда их брала на вооружение либо толпа, либо власть. Сама вознесенная на престол толпой.

Уточняю: антинаучными марксизм и фрейдизм сделались не тогда, когда выдвинули некие смелые гипотезы, а тогда, когда вместо проверки собственных принципов принялись экстенсивно распространять их на все новые и новые сферы, апеллируя к профанам. Науку же как социальный институт — именно институт, а не отдельных, хотя бы и крупных ученых — одурачить пока еще никому не удавалось: свои заблуждения она всегда замечала и отвергала раньше всех. Ученые как избранный народ имеют массу пороков — главным образом, склонностью к редуccionизму: теплофизик считает человека двигателем внутреннего сгорания, зоолог видит в человеческом обществе обезьянье стадо, математик пытается найти аксиомы справедливости...

И все же для поисков наиболее достоверного знания у человечества, увы, нет другого инструмента.